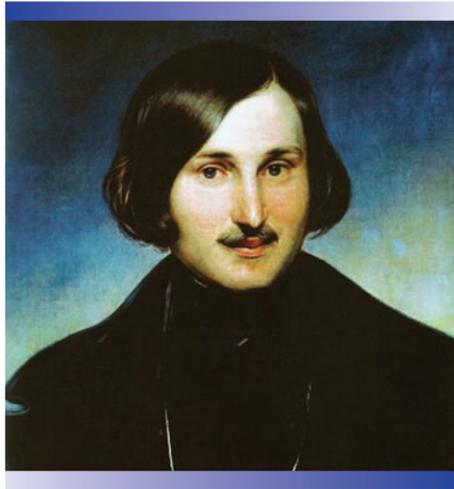

Таланты и диагнозы

Фобии Николая Гоголя

«...Все мне бросилось разом на грудь. Нервическое расстройство и раздражение возросло ужасно, тяжесть в груди и давление, никогда до того мною не испытанное, усилилось... К этому присоединилась болезненная тоска, которой нет описания. Я был приведен в такое состояние, что не знал решительно, куда деть себя, к чему прислониться. Ни двух минут не мог я остаться в покойном положении ни на постели, ни на стуле, ни на ногах...». Так описывал свое состояние в часы очередного приступа депрессии Николай Гоголь (1810-1852 гг.). Определить болезнь, мучавшую в течение жизни великого писателя, исследователи пытались на протяжении двух веков. Но только недавно исследователи сопоставили все описания фактов, и картина как-будто прояснилась. Живи Николай Васильевич в XXI в., в его медицинской карточке наверняка бы появился диагноз – маниакально-депрессивный психоз.

На роду написано

Вполне вероятно, что свою болезнь Николай Васильевич унаследовал от родителей. Отец писателя, дворянин Василий Гоголь-Яновский, страдал припадками, во время которых то впадал в жестокую тоску «от страшных воображений», то вдруг становился неудержимо весел. Он свято верил во сны. Однажды ему приснилась его невеста – соседская девочка, которой в ту пору исполнилось лишь 7 месяцев. Василий Гоголь ждал 14 лет, пока героиня его сновидения, Маша Косьярская, подрастет, чтобы жениться на ней. Вскоре после свадьбы у молодой четы родился Никоша – будущий гений мировой литературы. У матери Гоголя тоже были свои особенности, так что школьные товарищи Николая, не стесняясь, называли ее ненормальной. Мария Гоголь-Косьярская была либо чересчур весела и делала бессмысленные покупки на последние деньги из семейного бюджета, либо становилась мрачной и часами сидела в одной и той же позе с безучастным выражением лица. Она напугала сына в детстве до смерти рассказами о Страшном суде и аде; с тех пор, по словам биографов писателя, он постоянно жил, опасаясь загробного воздаяния. По мнению исследователей, у обоих родителей Гоголя были симптомы, весьма напоминающие маниакально-депрессивный психоз. А если заболеванием страдают оба родителя, по статистике, в 67% случаев болезнь передается ребенку.

Официально это расстройство эмоциональной сферы признали только в начале XX века. Для него характерно чередование фаз – маниакальной – с необычайно душевным подъемом, двигательной активностью и ускоренным мышлением; и депрессивной, когда все валится из рук, а тело и ум как будто впадают в спячку. Приступы длятся по несколько недель или месяцев и разделяются светлыми промежутками – гипоманией и субдепрессией. По предположениям исследователей, наследственный недуг проявился у Николая Васильевича в 21 год и начался с гипоманиакальной фазы. В это время Гоголь работал над «Вечерами на хуторе близ Диканьки». Для него это был период невероятного подъема, упоения, повышенного умственного и физического тонуса. Если пересмотреть творческий путь писателя с учетом фаз его болезни, то окажется, что лучшие произведения он написал в гипоманиакальном или маниакальном состоянии, когда перо буквально летало по бумаге, рождались блестящие ассоциации, лихо закручивались сюжеты. В такие дни он становился безудержно весел, мог посреди улицы пуститься в пляс. Но за подъемом следовала фаза депрессии. В это время Гоголь тщательно пытался творить, вымучивал каждое слово, но строки, выходящие из-под пера, были блеклыми, серыми, невыразительными.

Депрессия напрочь отбирала у писателя сон и аппетит, он ужасно худел. При маниакально-депрессивном психозе нарушается белковый, жировой и углеводный обмен. Организм плохо усваивает глюкозу, снижаются окислительные процессы, в клетках накапливаются продукты обмена, нарушается кислотно-щелочной баланс. Даже при нормальном питании в моменты обострения болезни такие пациенты резко теряют в весе. В периоды мании Гоголь страдал обжорством и булимией, но в месяцы депрессий худел настолько, что по его телу «...можно изучать полный курс анатомии: до такой степени оно высохло и сделалась кожа да кости», – писал Николай Васильевич в письме своему другу, писателю В.А. Жуковскому. Исследователи и биографы насчитали у Гоголя в общем четыре приступа депрессии, промежутки между которыми становились все короче, а болезненное состояние с каждым разом становилось сложнее, длилось все дольше, проявлялись новые симптомы.

Ощущения больного маниакально-депрессивным психозом Николай Васильевич сполна передал в своих записях. «Я был болен, очень болен, и еще болен доныне внутренне. Болезнь моя выражается такими

страшными припадками, каких никогда еще со мною не было; но страшнее всего мне показалось то состояние, которое всякий образ, пролетающий в мыслях, обращало в исповина, всякое незначительно-приятное чувство превращало в такую страшную радость, какую не в силах вынести природа человека, и всякое сумрачное чувство претворяло в печаль, тяжкую, мучительную печаль, и потом следовали обмороки, наконец, совершенно сомнамбулическое состояние... Меня томит и душит все, и самый воздух».

Чего боялся Николай Васильевич

На пике приступов Гоголя посещали страшные видения и галлюцинации. Он слышал голоса, обвиняющие его в греховных поступках и предрекающие жуткие наказания, его посещали видения умерших, картины ада. Рассказы о потустороннем мире, услышанные в детстве и испугавшие маленького Николая, легли в основу фобии Страшного суда и ада. Психиатры-клиницисты, изучавшие историю болезни писателя, насчитали у него, по меньшей мере, шесть фобий.

Кроме ужаса перед загробной жизнью, Николай Васильевич страдал тафетобией – страхом быть погребенным живым. Последние 11 лет (с конца 1840 г.) писатель спал (точнее, дремал) исключительно сидя в кресле: горизонтальная поверхность кровати ассоциировалась у него со смертным одром; кроме того, он боялся уснуть глубоким сном и очнуться в могиле. Гоголь действительно страдал нарушениями сна – изматывающими бессонницами, кошмарными сновидениями; в начале 1840-х годов у него несколько раз наблюдался очень глубокий и продолжительный (летаргический) сон. Первую главу «Выбранных мест из переписки с друзьями» он начинает такими странными словами: «Находясь в полном присутствии памяти и здравого рассудка, излагаю здесь свою последнюю волю. завещаю тела моего не погребать до тех пор, пока не покажутся явные признаки разложения. Упоминаю об этом потому, что уже во время самой болезни находили на меня минуты жизненного онемения, сердце и пульс переставали биться...» Вот уже два века подряд распространяется легенда о том, что опасения писателя сбылись. Спустя 79 лет после смерти Николая Васильевича его прах был перезахоронен, и, по словам одного из очевидцев этого – писателя Лидина, к слову, известного фантазера и выдумщика, – останки были скорчены, а гроб изнутри был покусан и поцарапан.

Кроме того, у Гоголя были признаки фобии отравления лекарствами (прописанные врачами, он категорически отвергал), страха внезапной смерти – танатофобии, из-за которой он боялся умирающих, умерших и похорон, а еще его одолевал ужас перед смертью профессиональной – невозможностью писать. Его била дрожь при мысли о том, что из-за тяжелого недуга не сможет выполнить дело всей своей жизни – закончить «Мертвые души». Терзал душу писателя еще один страх – перед болезнями, особенно перед неизлечимыми. В течение последних 20 лет мнительный Гоголь обследовался у множества врачей (за исключением психиатра), и все ему ставили разные диагнозы: «нервическое расстройство», «болезнь печени», «ипохондрия», «катар кишок», «поражение нервов желудочной области», «спастический колит», «геморроидальная болезнь» и др. Но сказать с уверенностью, что именно гнетет пациента, не мог никто. Депрессии писателя сопровождалась болями по всему телу, в пояснице, животе, голове, продолжительными запорами, мучительными спазмами в груди и сердце. По всей видимости, его душевная болезнь находила выражение в психосоматических симптомах.

В последнее десятилетие жизни Гоголя Муза фактически не навещала его. Поклонники, с восторгом ходившие на постановки «Ревизора», зачитывавшиеся «Тарасом Бульбой», «Вечерами на хуторе...» и «Мертвыми душами», ждали от писателя новых шедевров, но Гоголь

молчал. Окружающие замечали, как резко изменился его характер. Некогда жизнерадостный Николай Васильевич стал эгоцентричным, замкнутым и ко всему равнодушным. Появился еще один симптом маниакально-депрессивного психоза – психическая анестезия, или скорбное бесчувствие. Он стал холодным и равнодушным ко всем земным радостям и печалям. Часами мог сидеть неподвижно, уставившись в одну точку, и трудно было определить, дремает ли он наяву или думает свою невеселую думу. Из-за тяжелой душевной болезни Гоголь постарел в молодые годы. Он чувствовал свою старость сам. В сентябре 1839 г., в возрасте 30 лет (!), он пишет: «Тяжело очутиться стариком в лета, еще принадлежащие юности, ужасно найти в себе пепел вместо пламени и услышать бессилие восторга». Н.В. Берг, повстречавший писателя, когда тому минуло 41 год, устранился его внешнего вида и заметил, что это были уже «развалины Гоголя».

Вверх по лестнице

Последняя депрессия началась у Гоголя после внезапной смерти его близкой приятельницы Е.М. Хомяковой. Он вдруг почувствовал весьма отчетливо, что должен умереть. В то время, в феврале 1852 г., начался Великий пост, и Николай Васильевич, и без того голодавший во время депрессии, вовсе отказался от пищи. Кроме того, в последние годы он был болезненно религиозен, считал себя невероятным грешником и проводил целые дни в покаяниях и молитвах. В дни поста к Гоголю прибыл его духовный наставник отец Матфей, но вместо того, чтобы поддержать дух, священник потребовал ужесточения поста, призвал оставить богопротивное писательство и сжечь последнюю редакцию второго тома «Мертвых душ». Он так запугал Николая Васильевича перспективами адских воздаяний, что даже слуги слышали, как писатель кричал: «Оставьте! Слишком страшно!» В ночь с 11 на 12 февраля Гоголь сжег единственный экземпляр второго тома «Мертвых душ».

Три недели практически полного отказа от пищи и ограничений в воде, ночные бдения и истязание молитвами сделали свое дело. Изнурение писателя достигло крайней точки: не приближавшись за последние 11 лет к кровати, однажды он повалился на нее в халате и сапогах и больше уже не вставал. Возле него собрался консилиум врачей, которые долго не могли поставить окончательный диагноз и определить методы лечения. Подозревали брюшной тиф, воспаление кишечника, «религиозную манию» с голоданием и истощением. Но сошлись почему-то во мнении, что это «менингит», хотя большинство симптомов этого заболевания (лихорадка, многократная рвота, атрофия затылочных мышц) совершенно отсутствовали у больного. Вместо полноценного кормления, которое могло вернуть к жизни пациента, его стали насильственно лечить холодными обливаниями, прикладывали к носу пиявок, обкладывали тело горячими хлебцами и капали на голову едкий спирт. Гоголь просил оставить его, но лечение продолжалось. Отдохнуть он мог только ночью, в полузабытьи кричал: «Лестницу мне, лестницу!» Когда-то в детстве бабушка рассказывала ему о лестнице, которую ангелы спускали с неба. Чтобы попасть в рай, на седьмое небо, нужно было преодолеть семь ступеней... Когда утром врачи вернулись для продолжения насильственной терапии, их пациент уже не дышал. Гоголь умер во сне. Так, говорят, уходит из жизни те, кого любит Господь.

Виктория Куриленко

Благодарим за помощь в подготовке материала заведующую кафедрой фармакологии Института экологии и медицины (г. Киев), доктора медицинских наук, профессора Наталью Костинскую.